

РИЧАРД УИЛБЕР

*Перевод с английского Ивана Елагина **

Летнее утро

Ее хозяева, уехав в городок,
Гостили допоздна,
А на пути домой машины смяли бок.
«Не выйдут завтракать», — подумала она.

Себе, не торопясь, она готовит есть.
Кофейник на плиту...
Как он блестит! Варенье в банке есть,
Яйцо разбила в утреннем свету.

То с поднятым ножом заслушается вдруг,
Окаменев в окне.
Знакомый свист дрозда, садовых ножниц звук
Там, за террасою, в садовой глубине.

Садовник до жары спешит прибрать весь сад;
На миг прервав свой труд,
Глядит на дом большой, что поднялся из гряд,
А гряды под росой мозаикой цветут.

Владельцы дома спят. Садовник лишь
С кухаркою одни
В усадьбе встретят утреннюю тишь.
По-настоящему владеют всем они.

* Переводы Ивана Елагина любезно предоставлены Евгением Витковским, составителем антологии сайта «Век перевода». <http://vekperevoda.com>
Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2008.
<http://imwerden.de>

Музейный шедевр

Весь в сером, в мягких туфлях, страж
В музее ходит взад-вперед,
Он охраняет всех, хотя
Всерьез Лотрека не берет.

Удобно в кресле развальясь,
Там у стены вздремнул другой,
Вклиняется в его пробор
Танцовщица Дега ногой.

Изящно как она кружит!
Но тело как напряжено!
Энергию и красоту
Дега любил спаять в одно.

Шедевр Эль Греко как-то раз
Купил Дега и у стены
Его поставил: спать ложась,
Он вешал на него штаны.

Разум

Наш ум, как мышь летучая, крылом
Лавируя, вдоль стен пещеры мчит,
Каким-то бессознательным чутьем
Не разбиваясь насмерть о гранит.

Не сомневаясь, знает наперед,
Препятствия какие обогнуть:
То взмах крыла, то резкий спуск, то взлет,
Во тьме воздушной безупречный путь.

Сравнение это точно, но порой
Ума обворожительный просчет
Своею удивительной игрой
Пещеры переделывает свод.

Хлам

Поистине изделие Веланда,
выкованный им меч Миминг,
никогда не подведет человека,
умеющего им храбро владеть.

Вальдере

Углом торчащий
топор в помойке —
Изделье ада,
орех ли это?
Тут ход волокон
в расчет не принят,
И топориче,
продольно треснув,
Торчит из кучи
картонных блюдец
Да из пластмассы
игрушек битых,
Осколков кружек,
из глины толком,
Неторопливо
не обожженной.
И с края там же
у тротуара
Комод повален,
весь покороблен,
Из древесины,
что в ход пустили,
Ее как должно
не обработав.
Он ждет, чтоб только
его впихнули
В машину-свалку,
что свозит мусор.
Свезите, спрячьте!
коробит сердце
От всякой дряни,
непрочно сбитой.
А кто их делал
за горстку денег —
Под стать боксеру,
который куплен
И, пряча гордость,
мельчит удары,
Иль как продажный
жокей нарочно
Придержит лошадь,
завидя финиш.

Но вещи честны,
 того не зная,
И сохраняют
 холоднокровье.
Так в плен попавший
 молчит под пыткой.
Упав с машины
 туда, где свалка
Без плана ширит
 свои дольмены,
Во тьме курганы,
 в огне долины.
Погоды натиск
 их всех разрушит,
Они вернуться
 к своим истокам.
Тогда и солнце
 восторжествует
В осколках стекол,
 узрев спасенье
Песка, который
 сидит в темнице,
И краска слезет
 кусками, чтобы
Древесным снова
 сплестись волокнам.
Потом сгоревших
 бульдозер сроет
И закопает
 в ту глубь, где зреют
Алмазы, — там, где
 в тьме созиданья
Гефест, хромая,
 хранит свой молот
И труд Веланда
 стирает время.

*Любовь призывает нас
к вещам этого мира*

Глаза мои открыл веревки скрежет.
Душа изумлена, порвав со сном.
На миг она бесплотно, упрощенно
Повисла, как обманчивый рассвет.

Снаружи, за окном моим открытым,
Весь ангелами полон воздух утра.

И в простынях, и в блузах, и в халатах,
Но ангелы в действительности там.
Они, вздымаясь вместе, образуют
Спокойные скопления на небе,
Рои, подобно взлету альцион,
Наполнив то, что служит им покровом,
Всей радостью безличного дыханья.

А вот летят, на месте оставаясь,
И скорость их полета вездесуща,
Стоят и мчат, как белая вода,
И обморочно падают внезапно
В такую восхитительную тишь,
Что кажется — ведь никого там нету.

Душа шарахается от всего,
Что собиралась только что припомнить,
От ровного насилия ежедневий;
Душа кричит: «Пусть ничего не будет,
Пусть будет на земле одно белье!
Да пар, в котором розовые руки,
Да светлый танец перед взором неба».

И всё ж, когда тепло проглянув, солнце
Приветствует куски и краски мира, —
Любовью горькой вновь полна душа,
Приемля тело, говорит она
Меняющимся голосом, в то время
Как человек зевает и встает:

«С их виселиц проклятых их снимайте!
Пушкой наденут чистое белье
На воровские спины, и пускай
Влюбленные идут к совокупленью
Благоуханно-свежими, и пусть
Монахини увесистые ходят
В потоке чистых темных облачений,
Нелегкую устойчивость храня».

Неусопшие

Даже детьми они спать любили подолгу,
Сны свои — если даже чудовища в них — предпочтя
Миру с игрушками хрупкими всеми его
И сделкой со смертью.

Они отворачивались от протянутых рук
Засохших деревьев, смертью боясь заразиться,
И даже под сливами лета
Плыли они как зимние луны.

Неприветливы, скрытны, бледны, одержимы
Единым желаньем, жаждою выжить любой ценой,
Со временем, так же как все экстремисты,
Обрели они некую пышность.

Теперь на зубчатые стены Балкан
Вокруг городков захолустных первой жизни своей
Они поднимаются в час, когда всходит луна.
Странно, что их полнейшая замороженность собою

Самих себя их лишила в конечном итоге:
Зеркала их не отражают, когда проплывают они
Через залы большие и по лестницам вверх.
И они паутины не рвут,

В бледную ночь выходя
В развевающихся плащах: как положено им, обезумев
От волчьего воя, останавливаются на мгновенье,
Нагнетая в сознание свое

Сладострастные мысли о засушенных кем-то цветах,
И о комнатах, где безделушки и ценные вещи,
И о куклах, разорванных из-за любви, и о детях,
В стеганых одеялах зарытых.

И затем они с места срываются в ярости злобной,
И их темные контуры вдруг принимают формы летучих мышей,
Что роятся, и врозь разлетаются, и исчезают. Если сравнивать их
С замерзшим в листьях дроздом,

Который лето за летом — их было немного — так чисто певал,
Или со старым ученым, смежившим глаза наконец,
Произвести впечатленья большого вампиры не могут,
Хотя живописны они.

И всё ж ощущают они настоящую боль,
Что нуждается в жалости нашей. Подумайте только, как грустно
Вечно жаждать тот эликсир, что презирают другие, —
Соленую повседневную кровь,

Которая, если не верить в нее, не вкусна;
Вечно жизнь пожирая по-хищнически — жизнью не обладать,
Как углубленья в скале — прилив за приливом,
Пытаются море схватить.

Прощенье

Мой мертвый пес, лежал пять суток он
В разгаре лета, скрытый под сосною,
Где жимолость сплелась с травой густою.
Живым я пса любил, но, запахом смущен,

Поодаль встал. Казалось, тяжкий дух,
На расстояньи жимолостью вея,
С другим сливался, с тем, что посильнее.
Несносное несло жужжанье мух.

Мне было десять лет, и я вконец
Напуган был, о смерти знал едва ли,
Зверью и людям не прощал печали
Иль странности. Лопату взяв, отец

Зарыл его. Но вот вчера во сне
Трава там раздалась и иступленным
Сверкнула светом мертвенно-зеленым.
И выплыл мертвый пес навстречу мне.

И сильно испугался я опять.
Он в грузном солнце был, в мушином хоре,
Смерть разрасталась у него во взоре,
И стал я плакать, стал его я звать,

Молить, чтоб он простил вину мою.
...Ложь или правда сон, но искупленье
Есть для былого. Я прошу прощенья
У смерти. И о мертвом я скорблю.

Об авторах ^А

ИВАН ЕЛАГИН (1918, Владивосток — 1987, Питтсбург, США). Сын дальневосточного поэта-футуриста Венедикта Марта; вышедшая в 1922 году в Харбине книга Венедикта Марта «Луна» (в основном — переводы японских миниатюр) была посвящена сыну — «Уотту-Зангвильду-Иоанну Марту»; первая публикация самого сына была как раз переводной: 28 января 1941 года киевская газета «Советская Украина» напечатала авторизованный перевод Ивана Матвеева (настоящая фамилия Елагина) из Максима Рыльского, который после гибели Марта в застенках тридцать седьмого года принял на себя часть заботы о молодом поэте. Учась в медицинском институте, поэт не эвакуировался, оказался под оккупацией, что было смертельно опасно (мать будущего Елагина была еврейкой), но не менее опасно было оставаться в Киеве, в который входила советская армия, — при немцах молодой человек работал в роддоме, а это, конечно же, было бы рассмотрено как сотрудничество с оккупантами. В конце 1943 года Иван Елагин и его жена Ольга Анстей через Польшу перебрались в Германию; конец войны застал их в лагере для перемещенных лиц под Мюнхеном. В 1950 году поэт перебрался в США, где жил до самой смерти. Главная переводческая работа Елагина — эпическая поэма Стивена Винсента Бене «Тело Джона Брауна» (12 000 строк) — еще в рукописи была зачтена Елагину как дипломная работа в Нью-Йоркском университете; вышла поэма отдельной книгой в 1979 году в издательстве «Ардис» благодаря содействию Иосифа Бродского, высоко ценившего талант Елагина. Многие годы Елагин печатал свои переводы из американских поэтов в журналах «Америка» и «Диалог», пусть плохо, но доходивших до СССР, где как оригинальный поэт Елагин был широко известен в самиздате. Составитель этой антологии, переписывавшийся с Елагиным в 70-е годы, благодарен вдове поэта Ирине Ивановне за помощь в составлении предлагаемой ниже подборки и за разрешение напечатать ее; переводы из Дж. Мейсфилда и Дилана Томаса печатаются по автографам.

^А Сайт «Век перевода». <http://vekperevoda.com>